

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ «ВЕРНЫЙ» ПЕРЕВОД?

К.И. Леонтьева
(г. Смоленск, Россия)

ANOTHER VIEWPOINT AT THE TRANSLATION ERRORS: IS FAITHFUL TRANSLATION POSSIBLE?

K.I. Leontieva
(Smolensk, Russia)

Abstract. The abstract is providing another viewpoint at the quality of translation, translation errors, describes the contraposition of transformation and communicative activity ontology.

Key words: faithful translation; error analysis; transformation and communicative activity ontology

Аннотация. В статье предлагается новый подход к оценке качества перевода, переводческих ошибок; трансформационная и коммуникативно-деятельностная онтология.

Ключевые слова: точный перевод; анализ ошибок; противопоставление трансформационной и коммуникативно-деятельностной онтологии

В современной теории перевода классическим стало противопоставление субститутивно-трансформационной и коммуникативно-деятельностной онтологий [см.: 1].

Теории первой онтологии концентрируют внимание на степени эквивалентности или адекватности текстов, рассматривая эти категории как некоторые обязательные нормы, параметры прекриптивного порядка. Безусловно, применительно к не-художественному переводу эти нормативные критерии и теории субститутивной онтологии обладают реальной эффективностью. Однако когда речь идет о переводе художественном, возникает ряд проблем.

Во-первых, по верному замечанию В. М. Жигалиной, нормы динамичны и изменчивы, и оценка в зависимости от установки критика и намерений переводчика может оказаться различной [2: 28]. Во-вторых, в рамках данной онтологии текст перевода рассматривается как реализация языковой системы *per se*, при полном игнорировании его сущностной связи с непосредственным субъектом коммуникации – переводчиком. В качестве «успешного» подобные подходы признают лишь перевод, в котором авторские смыслы и интенции дошли до реципи-

ента без каких-либо значимых потерь и искажений, а тем самым *презюмируется* факт «верного» и полного понимания подлинника переводчиком. Перефразируя В. А. Миловидова, ориентация в данном случае идет на некоего «усредненного» (или «идеального»), а в реальности – мифического переводчика, который *должен* «верно прочитать тему в тексте и дать единственно правильную интерпретацию» [4: 10]. В действительности же есть лишь реальные субъекты – «те, кто почитывают» (переводчик) и «те, кто пописывают» (автор, переводчик) [5: 108], между дискурсивными средами которых всегда есть определенный «зазор», за счет которого неизменная вариативность и некоторое приращение или редукция смыслов при переводе неизбежны и, следовательно, вполне законны.

Несостоятельность теорий субститутивно-трансформационной онтологии применительно к художественному переводу была успешно продемонстрирована Н. Л. Галеевой, в работах которой не раз подчеркивалась необходимость анализа художественного перевода с точки зрения методологических принципов совершенно иной по направленности деятельностной онтологии, в рамках которой перевод рассматрива-

ется как речемыследеятельность по заданной в оригинале программе. Задача переводчика состоит том, чтобы выявить и смоделировать содержательную программу оригинала и воссоздать в переводе максимально приближенный к ней вариант. При этом переводчик должен не транслировать своё понимание этой программы, а организовать в переводе рефлексию, аналогичную организованной автором, то есть воссоздать рефлексивную трудность [см.: 1].

В данном случае нормой перевода становится рецептивная рефлексия (читателей ИЯ и ПЯ), а адекватным признается перевод, в котором переводчику удалось создать аналогичное оригиналу и авторской интенции пространство понимания и аналогичную мозаику смыслов [2: 131]. При этом, в зависимости от степени непонимания оригинала и утраты смыслов в ряде теорий этого направления переводы, отклоняющиеся от некой «верной» интерпретации, рассматриваются как ошибки или неудачные решения. В частности в диссертации В. М. Жигалиной, фундированной на положениях филологической герменевтики (Г. И. Богин, Н. Л. Галеева), переводческая ошибка определяется как смысловое отклонение, связанное со сбоями на семантизирующем и когнитивном уровнях понимания, а неудачное переводческое решение – как отклонение, вызванное отсутствием распрямляющего понимания, либо невоспроизведенностью в переводе предпосылок для аналогичного рецептивного понимания, когда при формальной правильности (эквивалентность) нарушается параметр художественности текста [см.: 2: 8].

Безусловно, разработанная В. М. Жигалиной типология ошибок представляет значительную практическую ценность для критиков перевода, в распоряжении которых до недавнего времени имелись лишь малоэффективные с точки зрения художественного перевода лингвистические критерии оценки. Однако для простого читателя в отношении текста перевода всегда действует «презумпция» эквивалентности / адекватности, и любое отклонение от собственных ожиданий читателям свойственно приписывать не переводу и переводчику, а скорее автору и подлиннику. Кроме того, в деятельностной онтологии переводчик также рассматривается как «идеальный» читатель, что предполагает возможность полного («адекватного») понимания.

Из этого следует то, что ни в деятельностной, ни тем более в субститутивно-трансформационной онтологиях в принципе не учитывается вполне естественный для текстовой коммуникации факт – наличие неизбежного «зазора» между интерпретационными потенциалами автора и переводчика, в силу которого не всякий «отклоняющийся» перевод будет действительно переводческой ошибкой. Причина заключается в том, что указанные онтологии основаны на структуралистской схеме знака (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), который «безразличен» к субъективной оценке деноната креатором и реципиентом. Это «вещь в себе», вне какого-либо отношения к субъектам коммуникации и к динамической сущности самой коммуникации. Таким образом, знак воспринимается как контейнер для субъективно-нейтрального значения и статичного, а поэтому поддающегося контролю и полной передаче при переводе смысла. В результате содержательность знаков в основании знаковой операции (авторский семиозис) и «на выходе» (рецептивно-переводческий семиозис) рассматривается как абсолютно идентичная. А задача переводчика заключается в том, чтобы восстановить авторскую программу в ходе интерпретации, которая должна быть полной (традиционная концепция чтения как четкого следования авторской интенции), пересоздать её в тексте перевода и при этом сохранить максимальную «невидимость».

Между тем, в реальности для адекватного / эквивалентного соответствия смысловых предпосылок (авторская интенция) и последствий (интерпретация переводчика) необходимо полное совпадение кодов автора и переводчика, что в свою очередь предполагает идентичность их декодирующих систем, т.е. актуальных для каждого из них перформативных контекстов дискурса. В реальной коммуникации подобная ситуация невозможна, так как перформативный контекст, актуальный для каждой новой языковой личности, включает *уникальный* набор факторов дискурсивности (локальные, исторические, социо-культурные, психологические, гендерные, прагматические и т.д.). Следовательно, между дискурсивными средами (контекстами) автора и переводчика всегда есть некоторый «зазор» [4: 11-12], который автоматически предопределяет неизбежные различия между смысловыми предпосылками (автор) и последствиями (переводчик) реализации дискурса (как мыс-

лительно-речевой практики текстопостроения и/или тексторецепции) на поле одного и того же «тела» текста оригинала.

В западном переводоведении, в отличие от отечественной теории перевода, уже давно появились концепции «нового поколения», фундаментальные на подобных положениях постструктурализма, – теории нонэссенциалистского толка [см.: 8: 151]. Их принципиальное отличие заключается в том, что смысл, опредмеченный в знаке, более не рассматривается как стабильный, а считается контекстуально и субъективно обусловленным и потому изменчивым, подвижным. Ввиду подобного динамизма, финального, «окончательного» и единственно истинного смысла у текста не существует, поэтому невозможна и верная интерпретация (концепция «смерти автора» Р. Барта и деконструкция Ж. Дерриды), равно как и эквивалентный / адекватный перевод. Смысл рассматривается как «дифференциальное (курсив мой – К. Л.) множество» (*differential plurality*) [12: 12], которое при переводе не поддается полной репликации (повторению, точному копированию) [11: 15]. Поэтому и процесс перевода рассматривается уже не как реконструкция авторской интенции и смысловой программы, которую точно и однозначно восстановить невозможно, а как *производство* нового смысла через *трансформацию-дополнение*, при которой переводчик становится активным участником, что приводит к «смерти» автора и «рождению» переводчика [см.: 7].

В основе подобных теорий лежит схема знака Ч. С. Пирса, согласно которой денотат (Объект) отражается в материальном «теле» знака (Репрезентамене) не во всех отношениях, а лишь в отношении к определенному Основанию (субъективной идеи Объекта), на основе которого в сознании реципиента структурируется новый знак – Интерпретанта, результат субъективной интерпретации «тела» знака реципиентом, в той или иной степени *отличный* от варианта, данного продуцентом в начале знаковой операции [6: 48]. Степень отличности Интерпретанта, формируемых в сознании автора и реципиента на основе одного и того же Репрезентамена, определяется степенью разности («зазора») актуальных для каждого субъекта дискурсивных сред, в которых и протекает креативный (авторский) и рекреативный (переводческий) семиозис и порождаются интерпретанты,

С учетом психолингвистической трактовки

контекста [см.: 3] в той или иной степени неконгруэнтность дискурсивных сред всегда имеет место при текстовой коммуникации, а из этого следует, что то или иное противоречие между реальной интенцией автора и её переводческой интерпретацией неизбежно, поэтому и любой перевод в той или иной степени всегда является неверным (*mistranslation*) [10: 451]. Ввиду этого происходит смещение фокуса теории перевода с выявления степени сохранения содержательности оригинала и передачи авторской интенции (эквивалентность, адекватность) на перевод как «*locus of difference*» [12: 13] и, безусловно, на сами дискурсивно-семиотические факторы, предопределившие «изменение и прирост информации», «расширение (*expansion*)» оригинала [9: 231].

Всё это позволяет абсолютно по-новому взглянуть и на понятие «переводческая ошибка», которое становится предельно относительным и напрямую связывается не только с дискурсивными средами автора и переводчика, но и с дискурсивной средой непосредственно самого критика. Более того, в парадигме нонэссенциализма меняется и цель самой критики. Её задачей становится не определение того, что следовало сделать переводчику и какой языковой элемент или смысл изменился в переводе, а выявление предпосылок принятия конкретного (не)осознанного переводческого решения и его смысловых последствий. Таким образом, вместо оценки соотношения текстов в формальном и смысловом аспектах, критический элемент направляется на познание «логики» этого соотношения, познание сущности интердискурсивной динамической трансформации текста при переводе в процессуальном и результативном аспектах, тем самым приобретающая эпистемологический, а не привычный оценочно-нормативный характер.

Список литературы

1. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода / Н. Л. Галеева. – Тверь : ТвГУ, 1997. – 80 с.
2. Жигалина В. М. Герменевтические основания типологии переводческих ошибок и неудачных переводческих решений : дис. ... канд. филол. наук / В. М. Жигалина. – Тверь, 2006. – 234 с.
3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. – М. :

Гнозис, 2005. – 543 с.

4. Миловидов В. А. Назад в будущее: Ч. С. Пирс и семиотические основания теории литературно-художественного дискурса / В. А. Миловидов // Знак и символ = Znak I Symbol : сб. науч. тр. – Lodz-Тверь : Uniwersitet Lodzki-ТвГУ, 2010. – С. 6-16.

5. Миловидов В. А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения / В. А. Миловидов // Вестник ТвГУ. Филология. – 2007. – № 10. – С. 108-112.

6. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. Т. 2. – СПб. : Алетейя, 2000. – 352 с.

7. Arrojo, R. The «Death» of the Author and the Limits of the Translator's Visibility // Translation as Intercultural Communication. Amsterdam :

John Benjamins, 1997. – P. 21-32.

8. Chesterman, A., Arrojo R. Shared Ground in Translation Studies // Target. 2000. Vol. 12, Issue 1. – P. 151-160.

9. Gorleé, D. L. Semiotics and the Problem of Translation. Amsterdam : Rodopi, 1994. – 255 p.

10. Koskinen, K. (Mis) Translating the Untranslatable: The Impact of Deconstruction and Post-structuralism on Translation Theory // Meta : Translators' Journal. – 1994. – Vol. 39, Issue 3. – P. 446-452.

11. Malmkjær, K. Linguistics and the Language of Translation. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2005. – 208 p.

12. Venuti, L. Introduction // Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology. – London : Taylor & Francis, 1992. – P. 1-18.